

Из воспоминаний учителя

З.Н. Кулакова



В 1933 году моя мать, опытная сестра милосердия, решила уехать из заводского района Замоскворечья, чтобы спасти нас, детей, от начинавшегося туберкулеза (у нас были положительные реакции на Перке и Манту). Ей предложили обмен на комнаты в «экологически чистом» тогда районе Покровского-Стрешнева. Муж ее сестры взял на себя устройство нас в школу. Он (известный библиограф Владиславлев-Гульбинский) объехал и обошел все окрестные школы и остановился на 3-й школе Октябрьского района, директор которой Николай Васильевич Кириков очень ему понравился. Школа была довольно далеко от нашего нового жилища, но Игнатий Владиславович настолько верил в меня, свою двенадцатилетнюю племянницу, что решил, что я вполне способна одолеть получасовой путь через две железные дороги, и решительно записал меня в 5-й класс школы Н.В. Кирикова. И до сих пор я глубоко благодарна ему за это.

Средние классы (5–8-е) были расположены в трехэтажном засыпном бараке (старших еще не было), стоявшем на пустыре, где теперь построено новое здание. В том же, 1933 году, начали строить по проекту самого Николая Васильевича трехэтажное здание, которое теперь называется «старым». В него мы вошли в 1935 году, когда я перешла в 7-й класс. Н.В. Кириков, эрудированный биолог, на моей памяти уже не вел уроков, главной же его заботой было обеспечить школу учителями самой высокой квалификации, и это ему удавалось не только благодаря его глубочайшему знанию людей, но и в силу того, что он в продолже-

ние многих лет был депутатом горсовета и мог обеспечить найденных им эрудитов не только московской пропиской, но и довольно сносным жильем в бараке с удобствами, разделенным на отдельные квартирки. Лишенный любых социальных и национальных предрассудков, что в начале 30-х годов было довольно редким явлением, он сумел к середине десятилетия создать, как я теперь понимаю, коллектив, редкостный по квалификации. Сам он был многосторонне одаренным человеком, глубоко разбиравшимся во всех отраслях знания, наделенным потрясающей памятью и глубоким пониманием людей. Когда впоследствии, с 1945 года, я стала учительницей-словесницей в родной школе, новые, товарищеские, отношения с моими бывшими учителями помогли мне глубоко оценить этого замечательного человека, которого все называли ходячей энциклопедией. Например, в период увлечения кроссвордами и учителей, и учеников Николай Васильевич Кириков всегда оказывался «последней инстанцией», куда обращались в случае всеобщих затруднений в поисках какого-то понятия.

Кроме того, надо иметь в виду, что Н.В. Кириков принадлежал к семье, все члены которой обладали блистательной природной памятью. Поэтому даже учителя очень эрудированные, вполне интеллигентные обращались при обсуждении уроков, посещенных директором школы, к нему за помощью не только по вопро-

сам общей методики, но и в специфических вопросах своего предмета. Потрясающей памяти Николая Васильевича я не уставала удивляться, слушая его беседы с моей матерью (когда-то она была членом родительского комитета), в которых обнаруживалось, что наш директор помнит не только всех учеников своей школы, но называет имена и отчества многих родителей. Поэтому почти все учителя, работавшие под руководством Николая Васильевича долгие годы, вспоминали о нем не только с великим уважением, но постоянно обнаруживали, что смотрели и смотрят на него снизу вверх.

К сожалению, мне как учителю не пришлось работать под руководством прекрасного биолога Ивана Алексеевича Язева, о котором у меня сохранились только прекрасные ученические воспоминания как о чудесном воспитателе, который совершенно не выносил проявлявшегося иногда подросткового хамства и постоянно брал под защиту учителей, которые по разным причинам, а особенно из-за излишней деликатности, сами не могли дать отпор юным наглецам. Никогда не забуду, как он громил наш девятый класс, когда группа наших великовозрастных мальчиков всю перемену забавлялась тем, что «украшала» часы (они были в каждом классе) тряпками, а на уроке математики Эдди Моисеевны Калюжной класс приложил все усилия, чтобы учительница обратила внимание на это «художество». И он же в другом случае мог вместо наказания или словесного погрома дать юмористический совет, следуя которому провинившиеся ученики выросли и учились мыслить глубже, делая шаг вперед в своем развитии. Так, девочки-восьмиклассницы, решившие «воспитать» своего непрерывно твердившего об удовольствии от курения и винного питья одноклассника, торжественно подарили ему пачку папирос и бутылку шампанского, что было немедленно пущено в ход

не им самим, а двумя его гораздо более практичными «товарищами», были приглашены Иваном Алексеевичем в свой кабинет и в мирной беседе получили инструкцию, как можно без всякого риска, используя бутафорию, по-настоящему посмеяться над «грешником». Подобный случай очень хорошо отражает ту интеллигентность, которая была характерна для нашей школы 30-х годов.

И Н.В. Кириков, и И.А. Язев поддерживали своим примером, советами, руководством высокий уровень воспитания и преподавания в своей школе. Поэтому у большинства учителей в их работе соединялись очень важные качества: высокий теоретический уровень преподавания материала своего предмета, практический подход при постоянных сугубо индивидуальных требованиях к ребятам, осваивавшим предмет. Учителя не боялись сообщать ученикам подчас очень глубокие и сложные сведения по доверенной им отрасли знания, прекрасно понимая, что полной отдачи можно потребовать далеко не от каждого и не сразу.

Больше шестидесяти пяти лет тому назад в 3-й школе Октябрьского района Москвы были введены определенные порядки, которых я больше не встречала ни в одной школе. Классный руководитель на протяжении года обязательно должен был посетить всех учеников своего класса на дому. Не только отстающих или нарушителей дисциплины, а именно всех. Это, как я поняла, только проработав много лет в школе, давало каждому учителю то глубокое понимание воспитательных задач, которое сейчас почти совершенно утрачено. Я не была ни отстающей в учении, ни нарушительницей дисциплины и поэтому крайне удивилась, увидев нашего незабвенного историка Владимира Николаевича Крылова у нас дома, мирно беседующего с моей матерью и бабушкой. Результат был налицо: возросло мое уважение к

этому уже очень пожилому человеку, произошло сближение семьи и школы, возникло убеждение, что и у моих родных создано очень высокое мнение о нашем любимом учителе, который работал с нами без всяких учебников и научил нас не только записывать самое главное из его замечательных рассказов, но и вести (это в шестом классе!) конспекты. И много лет спустя, уже после его смерти, мы узнали, что он являлся внучатым племянником знаменитого баснописца, первого и многолетнего директора петербургской публичной библиотеки, и учеником историка профессора Ключевского.

А рядом с этим стариком, во многом помогая ему, преподавала нам математику молодая учительница Любовь Ивановна Антончик, впоследствии ставшая (с 1939 года) директором школы-новостройки № 223. Несколько лет спустя, читая рассказ А.П. Чехова «Репетитор», я могла вполне оценить эту замечательную преподавательницу математики. На протяжении пятого класса и почти половину шестого мы занимались с Любовью Ивановной исключительно арифметикой и лишь где-то в конце первого полугодия шестого класса получили представление об алгебре и геометрии; поэтому эти новые математические дисциплины усваивались нами очень легко. Кроме того, Любовь Ивановна очень быстро объясняла новый материал, а потом предоставляла всех быстро схватывающих материал самим себе, давая задания по учебнику, и среди нас развивалось настоящее соревнование: мы старались решить как можно больше примеров. Сама же Любовь Ивановна продолжала работать с плохо схватывающими новый материал, поэтому в классе обычно не было отстающих.

Нельзя умалчивать, что раскрыть лучшие качества преподавателей разного возраста и разного опыта всегда помогал Н.В. Кириков. Должна признать, что лучшего директора, воспитателя не только учеников,

но и учителей всех специальностей мне не приходилось встречать на протяжении почти шестидесяти лет учительской, методической и общественной работы. Этому способствовало удивительное, редкое знание людей, поразительное чутье, помогающее безошибочно определить своеобразие каждого учителя, не допускающее стандарта в оценке как его знаний, так и методического мастерства.

С 1937 года в школе Н.В. Кирикова появились две словесницы очень высокого класса и в то же время совсем непохожие друг на друга по характеру воздействия на учащихся. Это Мария Дмитриевна Сосницкая и Вера Сергеевна Новоселова.

Программа для всех словесников одна, но отношение к изучаемым писателям не может быть одинаковым. У каждого преподавателя литературы есть свои любимцы, но есть и художники, не вызывающие живых эмоций при предельно добросовестном их изучении. Так, у М.Д. Сосницкой было довольно прохладным отношение к Н.Г. Чернышевскому и В.В. Маяковскому. Но при добросовестнейшем рассмотрении их произведений, при умении развитых и начитанных ребят чувствовать дух времени (30-е годы, канун Великой Отечественной войны) в понимании творчества замечательного советского поэта ученики шли дальше учителя, влюблялись в Маяковского, добровольно заучивали наизусть целиком крупные произведения этого поэта.

Совершенно иное было воздействие В.С. Новоселовой: ее ученики страстно увлекались тем, что она любила, и редко встречались мне потом зрелые люди, так увлеченные романом Н.Г. Чернышевского «Что делать?», как воспитанники Веры Сергеевны.

Должна сказать, что самый дух школы стал более высоким с появлением этих словесников. Следует добавить еще одно, с моей точки зрения, очень важное обстоятельство: в отличие от большинства москов-

ских школ, в 201-й в это нелегкое время (вторая половина 30-х годов) не было проведено ни одного комсомольского собрания, посвященного обличению и последующему исключению из комсомола детей так называемых «врагов народа». Это происходило благодаря благородной позиции Николая Васильевича Кирикова, постоянно ссылавшегося на одно известное высказывание Сталина: «Сын за отца не отвечает». Такая позиция директора спасла нашу школу от многих бед. Так, несмотря на широко распространенный антисемитизм, в первые годы после Великой Отечественной войны в 201-й школе не было и оттенка каких-либо этнических конфликтов.

Следует добавить, что огромную постоянную поддержку Н.В. Кирикову в подобных вопросах оказывала наша молодая, но очень опытная словесница Нина Васильевна Красильщикова, работавшая в 201-й с начала 30-х годов и ставшая с 1954 года завучем школы.

Может быть, Нине Васильевне не хватало глубины знаний и размаха в работе словесницы, присущих М.Д. Сосницкой и В.С. Новоселовой, но как завуч она оказалась на недосягаемой высоте. С 1952 года мне пришлось на протяжении нескольких лет выполнять обязанности районного методиста и, следовательно, основательно познакомиться почти со всеми школами нашего района. И с полным убеждением могу сказать, что лучшего завуча, чем Нина Васильевна, я не встречала. Не говоря уже о добросовестном и глубококом изучении методики преподавания всех предметов, Нина Васильевна, очень часто посещая уроки разных учителей, давала им оценку, не зависящую от ее собственных симпатий и антипатий. Кроме того, как завуч школы Нина Васильевна сразу стала ее опорой в плане организационном: она первая приходила в школу, с 7.30 мы видели ее уже стоящей как бы на часах в школьном вестибюле, она по-

следняя уходила из школы, и не было какого-либо мероприятия в школе, на котором не было бы Нины Васильевны. Надо помнить, что она была не только инициатором, но и организатором нашего любимого клуба «За чашкой чая». Стихи, посвященные ее коллегам, ее собственные выступления на заседаниях этого клуба доставляли всем огромное удовольствие и служили сплочению нашего коллектива. Очень большую роль сыграла Нина Васильевна в сплочении начальной и средней школы. Она прежде всего обязала учителей средней школы, будущих классных руководителей пятых классов, основательно изучать коллективы своих будущих воспитанников постоянным посещением уроков, организацией уроков внеклассного чтения и обязательным проведением повторительных контрольных работ в конце сентября и начале октября по русскому языку и арифметике с совместным обсуждением на минипедсоветах их итогов. Но во втором полугодии четвертых классов не только будущие классные руководители, но и будущие преподаватели русского языка и математики обязаны были под контролем Нины Васильевны посетить несколько раз свои будущие классы и познакомиться с ними основательно.

И, наконец, Н.В. Красильщикова стала первым организатором памятных вечеров, посвященных Зое Космодемьянской. По ее инициативе самым торжественным днем школы стало 29 ноября, лучшие вечера были подготовлены ею задолго до 1961 года, до организации музея.

И все-таки самая активная внеклассная работа была связана с деятельностью М.Д. Сосницкой. В предвоенные годы она организовала в музее Л.Н. Толстого семинар по углубленному изучению творчества великого писателя: в нем участвовали учащиеся десятых и девярых классов; каждый из учеников разработывал определенную тему, связан-

ную не только с программными произведениями Л.Н. Толстого, но с самым широким анализом его драматургии и публицистики. Члены этого семинара не ограничились двумя вечерами, проведенными в школе, но завершили свою работу семинарским занятием в Ясной Поляне, что вызвало не только одобрение всего коллектива научных сотрудников московского музея Л.Н. Толстого, но и всех отделов музея Ясной Поляны.

Уже в предвоенные годы по приглашению Марии Дмитриевны частыми гостями нашей школы стали прекрасные чтецы во главе с Д.Н. Журавлевым. С первых же послевоенных лет началась работа с В.Н. Шацкой,

впоследствии защитившей докторскую диссертацию на материале нашей школы.

В организованном в 1961 году литературном Пушкинском музее наша школа до сих пор считается образцом связи учебных заведений с артистической Москвой.

В фойе третьего этажа начали по инициативе М.Д. Сосницкой устраиваться великолепные выставки, в которых было широко представлено творчество учащихся старших классов.

Зинаида Николаевна Кулакова – преподаватель-методист школы № 201, заслуженный учитель РСФСР, г. Москва.

Как ни горько это сознавать, но продолжения этих воспоминаний не последует... Зинаиды Николаевны Кулаковой не стало.

Мы не ошибемся, если скажем, что вместе с ней ушла целая эпоха, целое поколение – честных, чистых, стойких людей, которые, говоря словами одного из них, поэта, не пришедшего с войны, «с детства не любили овалы». А можно сказать и по-другому: от нас ушел человек, который сам был эпохой, так много он вмещал в себя.

Вся жизнь Зинаиды Николаевны была связана со школой – она стала для нее не вторым, а, скорее даже, первым домом. Ее семьей, ее детьми стали ученики. Сколько было их за 60 лет преподавания? Каждого она помнила по имени и в лицо, и каждый чувствовал, что он – член этой необыкновенной, огромной семьи, где все – братья и сестры не по крови, а по духу. Думаете, такого не бывает? У Зинаиды Николаевны еще и не то бывало. Ее уроки литературы, истории и мировой культуры воспитывали и мысли, и чувства. А как они проходили! Это были спектакли – нет, бенефисы самой Зинаиды Николаевны. В них было все – «и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь», и блеск ее остроумия, и неподражаемая живость ее ума... Легенды о ней передавались из уст в уста не одно десятилетие – кто из учителей еще при жизни становился героем эпоса, который ученики слагали поколение за поколением?

Как много хочется о ней сказать, как много можно о ней вспомнить... Мы, ее ученики, и будем говорить о ней и вспоминать ее, пока живы мы сами.

Светлая память нашему дорогому Учителю.